

Когда шторм в душе наконец утих, небо уже начало светлеть.

Ощувив ход времени по тому, как затекли конечности, Соуши попытался размяться, но вдруг замер и часто заморгал. Перед ним никого не было — по крайней мере, он ничего не видел, — но в воздухе разлилось едва уловимое ощущение чужого присутствия. Чей-то тихий, пристальный взгляд.

Чувство было не из неприятных, но...

«Почему мне кажется, будто Икки касается моих щек?»

«Не стоит накручивать себя», — строго наказал себе Соуши, но недоумение никуда не делось. Понимая, что до начала рабочего дня еще есть время, а в комнате нет никого, кроме него самого и существа, пребывающего в параллельном измерении, он негромко позвал:

— Что случилось, Икки?

Он не ожидал, что ответом станет испуганный вздох.

— [...Ой!]

Пойманный с поличным, Икки явно растерялся. Соуши лишь вопросительно хмыкнул, призывая к ответу. В наступившей тишине атмосфера стала почти осязаемо неловкой. Наконец, спустя долгую паузу, голос Икки донёлся вновь — робко и прерывисто:

— [Просто... вдруг подумал... даже в таком виде... небритым...]

Он замолк на полуслове. Соуши терпеливо ждал продолжения. Несмотря на то что физиология Соуши теперь принадлежала Фестуму, его тело продолжало функционировать по человеческим законам — и щетина, появляющаяся по утрам, была частью этого процесса. Для Икки же, который следил за каждым его жестом, такие мелочи казались едва ли не откровением.

Видя, что Икки не решается договорить, Соуши с самым невинным видом уточнил:

— В каком именно виде?

Прошло ещё секунды три томительного молчания. Соуши уже подумывал достать Карту Мидаса, чтобы проверить состояние партнера, когда голос Икки, едва слышный и осторожный, донёлся из пустоты:

— [...Это выглядит сексуально.]

Соуши оцепенел. На осознание ответа ушло добрых десять секунд. Почувствовав, как щеки предательски теплеют, он сухо откашлялся и, стараясь сохранить невозмутимое лицо, произнёс:

— Нам пора вернуться в общежитие.

— [Угу...] — донесся в ответ едва слышный шепот.

Атмосфера стала окончательно двусмысленной.

Если бы кто-то мог заглянуть за грань измерений, он бы увидел: рядом с Соуши, плечом к плечу, летит Икки, низко опустив голову. Его лицо скрывали полудлинные черные пряди, но было видно, что он покраснел до кончиков ушей. Выглядело это донельзя мило.

Там же, в складках параллельного пространства, за ними наблюдал Масакаки. Он прикрывал рот набалдашником трости, глаза были широко распахнуты, а на лице застыла неестественно широкая, ослепительная улыбка. Как всегда, он не проронил ни слова, оставаясь загадочным и пугающим.

Проведя остаток ночи в медицинском отсеке, Соуши успел умыться и привести себя в порядок, прежде чем вернуться к повседневным обязанностям. Икки затих. Он молча наблюдал из своего пространства, не пытаясь заговорить. Всё было так спокойно, будто тех нескольких часов эмоционального хаоса вовсе не существовало.

Однако события продолжали развиваться, причём в самом тревожном направлении.

В тот же вечер перед ними вновь возникло то самое призрачное Такси.

Возможно, многие решили: раз они однажды проиграли, значит, эта пара «Предпринимателя» и «Актива», о силе которых ходили легенды, — не такой уж крепкий орешек.

Но эти люди напрочь забыли об одном условии.

Макабэ Икки и Минасиро Соуши потерпели поражение лишь однажды. И их противником был сам Король этого квартала.

Запросы на Сделки посыпались один за другим. Накал достиг того же уровня, что был до вызова Короля.

Разумеется, для таких мастеров, как они, весь этот сброд не представлял ни малейшей угрозы. Но Соуши, всегда чуткий к малейшим переменам, заметил нечто странное. И это касалось боевого стиля Икки.

Раньше, в каких бы опасных Сделках они ни участвовали, Икки подсознательно оставлял противникам шанс, стараясь не доводить их до полного банкротства и изгнания из Квартала. Но после сражения с Сидо Тацуей всё изменилось. Словно боясь, что любая случайность в бою может нанести вред Соуши, Икки стал беспощаден. За несколько последних Сделок сразу несколько Предпринимателей пошли по миру.

Он действовал словно карающий клинок: любой, в ком Икки видел хоть тень угрозы для Соуши, уничтожался без промедления. Благодаря этой внезапной ярости время сражений сократилось вдвое — Икки буквально сметал врагов с пути.

[Вы банкрот.]

Этот системный голос Соуши слышал за сегодня уже в третий раз. Глядя на замершего к нему спиной Икки, он не знал, как реагировать. Потери, понесённые в бою с Сидо, были давно восполнены, и Соуши не понимал причин такой одержимости.

Впрочем, глубоко внутри он догадывался... Причина была в нём самом.

Найдя безлюдный уголок, Соуши решил прояснить ситуацию.

— Икки, что с тобой происходит?

— А что со мной?

Из-за разницы в росте Икки пришлось слегка задрать голову, чтобы встретиться с Соуши взглядом. Его лицо выражало абсолютное непонимание — он искренне не видел в своём поведении никакой проблемы. Для него защита Предпринимателя была единственным смыслом существования Актива.

«Актив...»

Соуши мгновенно уловил суть этого несоответствия. Он слегка нахмурился.

— Икки, ты — не мой Актив.

Икки ответил с обезоруживающей простотой:

— Если я не хочу, чтобы тебя поглотила ассимиляция, единственный путь — гарантировать твою победу в каждой Сделке.

Он был прав. И всё же Соуши не покидало чувство смутной тревоги. Он не стал скрывать своих опасений:

— Икки, когда ты такой... я начинаю за тебя волноваться.

— Не стоит, Соуши, — Икки мягко улыбнулся, и его голос зазвучал тепло и успокаивающе. — Ведь сейчас я здесь, с тобой.

Встретившись с этими серо-голубыми глазами и увидев эту добрую улыбку, Соуши понял, что безоружен. Каждый раз, когда Икки так смотрел на него, в душе разливался жар — смесь покоя, нежности и щемящей жалости. Поддавшись этому порыву, он невольно поднял руку и коснулся черных волос Икки.

Икки вздрогнул от неожиданности — Соуши редко проявлял инициативу первым. Но он не отстранился, напротив, он будто замер от наслаждения, и в его глазах промелькнула робкая радость.

Когда пальцы Соуши, скользя по прядям, случайно коснулись уха, Икки едва заметно втянул плечи. Заметив эту реакцию, Соуши не сдержал легкой, понимающей улыбки.

— Уши... — вполголоса произнёс он, — всё такие же чувствительные?

Его ровный, низкий голос прозвучал для Икки слишком интимно. Сам не замечая, как лицо заливают краска, Икки затуманенным взглядом посмотрел на Соуши. В памяти вдруг всплыл образ Соуши, который той ночью, забыв обо всем на свете, бежал к нему в медицинский отсек.

Все эти чувства — нежность, страх потери, преданность — сплелись в один тугой узел. Икки ощутил, как в горле встал ком. Это было странное чувство, рождённое в самой глубине сердца: от него перехватывало дыхание, но в то же время оно было самым прекрасным из всего, что он когда-либо испытывал.

<http://bllate.org/book/17427/1659943>